

КРАСНАЯ ГРАНИЦА

РОМАН

История столетнего пути человечества к новому дому

Механик

Красная граница

«Автор»

2026

Механик

Красная граница / Механик — «Автор», 2026

Сто лет назад горстка отважных первопроходцев отправилась к красноватой точке в ночном небе, не зная, что их ждёт. «Красная граница» — эпическая история освоения Марса, рассказанная через судьбы нескольких поколений одной расширяющейся семьи первопроходцев: от драматичного старта первой пилотируемой экспедиции и открытия следов древней марсианской жизни — до превращения горстки герметичных модулей в процветающую двенадцатистанционную цивилизацию с собственной культурой, экономикой и политическим устройством. Экипаж «Фридом-1» переживёт разрушительную пылевую бурю, корпоративный заговор вокруг величайшего научного открытия человечества, личные трагедии и большую любовь — а их дети и внуки продолжат путь дальше, к ледяным спутникам Юпитера и Сатурна. Это роман о цене мечты, о том, что значит быть ответственным гостем во Вселенной, и о том, как далёкая, чуждая планета становится настоящим домом.

© Механик, 2026

© Автор, 2026

Содержание

КРАСНАЯ ГРАНИЦА	5
Роман	5
Глава 1. Старт	6
Глава 2. Долгая дорога	9
Глава 3. Спуск	12
Глава 4. Станция Брэдбери	14
Глава 5. Находка	16
Глава 6. Тени с Земли	18
Глава 7. Буря	21
Глава 8. Выход	24
Глава 9. Что скрывала пыль	27
Глава 10. Новый горизонт	30
Глава 11. Небо над Огайо	32
Глава 12. Инженер и директор	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Механик
Красная граница
КРАСНАЯ ГРАНИЦА
Роман

Глава 1. Старт

Ветер над космодромом Редстоун-Пойнт пах озоном и раскалённым металлом — тем особым запахом, что сопровождает каждое утро старта, сколько бы раз ты его ни встречал. За окном, среди плоских техасских пустошей, тянущихся к горизонту во все стороны, стартовый комплекс поднимался из предрассветной дымки, как нечто, до конца не принадлежащее этому пейзажу: стальные фермы, мигающие огни на фоне неба, которое только-только начинало светлеть из чёрного в серое.

Итан Уокер стоял у смотрового окна диспетчерской и смотрел, как громада корабля «Фридом-1» медленно погружается в утренний туман, будто исполинский зверь, готовящийся к прыжку, который уже нельзя будет остановить. Позади него зал управления гудел негромким слитным шумом: две сотни человек проходили финальные проверки, прижав наушники к ушам, не отрывая взгляда от рядов мониторов, которые за десять лет стали для большинства из них более привычными, чем собственная гостиная.

Через четыре часа стартовое окно закроется. Через четыре часа двести тонн металла, топлива и человеческих надежд оторвутся от земного притяжения и лягут на курс к Марсу — впервые в истории неся не роботов и зонды, а живых, дышащих людей. Двенадцать человек. Первая пилотируемая экспедиция на другую планету.

— Ты выглядишь так, будто сам сегодня летишь, — сказала Рэйчел Беннетт, руководитель миссии, подходя сзади с двумя стаканами кофе, от которых в прохладном утреннем воздухе поднимался пар.

— Я и лечу. Просто головой, — Итан взял стакан, не отрывая взгляда от корабля. — Десять лет расчётов, Рэйчел. Десять лет слушаний в конгрессе, пересмотров бюджета, бессонных ночей. И теперь всё сводится к двумстам тридцати семи дням полёта и одному-единственному дню посадки.

— Двести тридцать семь дней, шесть часов и ещё немного, если быть точной, — поправила она с едва заметной улыбкой. Она всегда была такой: точность становилась для неё формой утешения. Пока цифры сходились, мир оставался управляемым. Итан знал это лучше, чем кто-либо: он был женат на ней семь лет, и все семь прошли в долгой тени этого проекта — сквозь бюджетные кризисы, слушания в сенатских комитетах и два случая, когда программу едва не закрыли вовсе.

Внизу, на стартовой площадке, экипаж заканчивал последние приготовления. Командир миссии Джеймс Хардинг — бывший лётчик-испытатель ВВС с седеющими висками и репутацией человека, который за два десятилетия карьеры ни разу не терял самообладания в кабине, — методично проверял герметичность швов скафандра, с тем спокойствием человека, который проделывал это тысячу раз на тренажёре и теперь точно знал: сегодня — не тренажёр. Рядом с ним, сверяясь с собственным списком, стояла доктор Майя Чен, главный биолог миссии, а чуть поодаль, поправляя ремешок шлема с плохо скрываемым нетерпением поскорее взлететь, — Хавьер Рейес, геолог экспедиции, чья докторская диссертация была посвящена именно тому клочку марсианской земли, к которому они летели: кратеру Езеро, где, как считали учёные, миллиарды лет назад плескалось озеро под гораздо более плотной атмосферой, задолго до того, как кто-либо на Земле поднял голову к небу и задумался, что там, наверху, ещё есть.

— Все системы в норме, — раздался голос из динамика. — Готовность экипажа подтверждена. Т минус три часа пятьдесят семь минут.

Итан залпом допил кофе, хотя тот всё ещё обжигал горло. Он почти не заметил этого.

— Знаешь, что меня пугает больше всего? — спросил он.

— Что?

— Не отказ двигателей. Не радиация. Даже не посадка, если честно. Меня пугает мысль, что мы наконец-то это делаем. После всех разговоров, всех симуляций, всех споров в конгрессе и советах директоров — мы правда, наконец, это делаем.

Рэйчел сжала его руку — крепко, уверенно.

— Значит, самое время было бояться вчера. Сегодня — просто работать.

К без четверти двенадцать по местному времени стартовый комплекс погрузился в ту особую тишину, что предшествует чему-то огромному, — даже птицы, казалось, замолчали, будто вся техасская пустошь понимала, что вот-вот произойдёт, и коллективно затаила дыхание. Голос руководителя полёта в наушниках звучал ровно, не спеша, отрабатывая отсчёт, который тысячи раз репетировали в тренажёрах, но который сегодня звучал совсем иначе — по настоящему.

— Десять. Девять. Восемь...

Пристёгнутый в кресле командира, Джеймс Хардинг на секунду закрыл глаза и подумал о дочери Лили, восьми лет от роду, которая осталась в Сан-Антонио с бабушкой и теперь будет видеть отца — если повезёт — только на экране, следующие три года: сначала с минутной задержкой, потом с десятиминутной, а порой — вообще без связи, только вера в то, что сигнал рано или поздно вернётся.

— Семь. Шесть. Пять...

Позади него Майя Чен сжала в кулаке маленький нефритовый кулон, спрятанный под воротником лётного костюма, — подарок бабушки, который она тайком пронесла мимо трёх проверок безопасности, зашив в шов, куда никто не догадался заглянуть.

— Четыре. Три. Два...

Хавьер Рейес улыбался. Из всего экипажа он один не чувствовал страха в эти последние секунды — только завершение ожидания, начавшегося, когда ему было четырнадцать, на заднем дворе родительского дома под Альбукерке, где отец купил на распродаже подержанный телескоп, а сын смотрел через него, как маленькая оранжевая точка медленно ползёт по летнему небу, и понимал с той внезапной ясностью, что случается раз или два за жизнь, чем именно хочет заниматься всю оставшуюся жизнь.

— Один. Зажигание.

Двигатели взревели, и «Фридом-1» оторвался от Земли в столбе огня, видимом за триста километров, — новая звезда, восходящая не в ту сторону, поднимающаяся вместо того, чтобы садиться.

Итан смотрел, как корабль сжимается в яркую точку, а затем и вовсе растворяется в бледной синеве утреннего неба, и впервые за десять лет позволил себе заплакать — не от страха и даже не совсем от радости, а от того странного, всеобъемлющего облегчения, которое приходит, когда десять лет твоей жизни наконец, необратимо, отрываются от земли.

Вокруг него зал управления взорвался — не дикими криками, как в кино, а чем-то более тихим и по-своему более трогательным: сотни инженеров и учёных медленно поднимались из-за своих консолей, кто-то обнимался, кто-то просто смотрел на опустевшее небо, где только что был корабль, и все разделяли одну и ту же невысказанную мысль. *Мы сделали это. Теперь остаётся ждать.*

Рэйчел снова нашла его руку и молча сжала. Ни ей, ни ему не нужны были слова. Где-то за изгибом земного шара двенадцать человек, к чьей подготовке они шли десять лет, теперь остались одни в темноте, дальше от дома, чем кто-либо в истории человечества, и людям на земле оставалось лишь отслеживать их продвижение, уточнять траекторию и верить, что работа последнего десятилетия выдержит испытание.

Тем вечером, когда первая телеметрия подтвердила чистый выход на орбиту и разгонный импульс к Марсу, выполненный с точностью до десятой доли процента от расчётных параметров, Итан сидел один в своём кабинете в Конкордии — так называли центр управления полё-

тами, в шутку и всерьёз одновременно, в честь латинского слова «согласие», выбранного много лет назад комитетом, который хотел, чтобы название напоминало всем, ради чего затевалась вся эта миссия. Он вывел на монитор траекторию полёта в реальном времени: одна светящаяся линия, уходящая от маленькой голубой точки и изгибающаяся к другой, поменьше, ржаво-красной, лежащей в сотнях миллионов километров впереди.

Он думал обо всём, что ещё могло пойти не так. Солнечные вспышки. Столкновение с микрометеоритом. Отказ оборудования без единой возможности пополнить запасы, без единой возможности спасения — девять месяцев от ближайшей человеческой помощи. И всё же, глядя на эту тонкую светящуюся линию, растянувшуюся через черноту, он почувствовал, как что-то внутри него успокаивается — не уверенность в полном смысле слова, но что-то очень на неё похожее. Вера, пожалуй. Вера в расчёты, в резервные системы, в экипаж, в десять лет бессонных ночей, которые привели к этому единственному мгновению.

— Они в пути, — тихо произнёс он в пустой кабинет, и где-то далеко внизу, за окном, зажглись вечерние огни Нью-Канаана, штат Техас, — небольшого городка, выросшего вокруг космодрома за последние пятнадцать лет и ставшего домом для инженеров, учителей, подрядчиков и семей всех, кто работал на стартовом комплексе. Город светился обычными, будничными огнями, ничего не зная о том, что история только что тихо проскользнула мимо него на пути к другому миру.

Глава 2. Долгая дорога

Внутреннее пространство «Фридом-1» напоминало не столько космический корабль, сколько подводную лодку, спроектированную инженерами с почти религиозной одержимостью экономией каждого лишнего грамма массы. Жилой модуль представлял собой цилиндр двенадцати метров в длину, разделённый на шесть тесных кают, общую зону, едва вмещавшую всех двенадцать одновременно, компактную лабораторию и спортивный отсек, где экипаж проводил по два часа в день, борясь с медленной, но неумолимой атрофией мышц и костей в невесомости.

К сороковому дню полёта распорядок затвердел до состояния почти религиозного ритуала. Подъём в шесть по корабельному времени. Медицинский осмотр. Завтрак — регидратированная смесь, которая по этикетке значилась как «омлет», но по вкусу больше напоминала картон, вымоченный в яичном порошке. Затем начинались рабочие смены: кто-то следил за системами жизнеобеспечения, кто-то проводил запланированные на день эксперименты, кто-то поддерживал канал связи с Землёй — канал, задержка в котором росла с каждым днём, переползая из секунд в минуты, а затем и в полновесные двадцать минут в каждую сторону.

— Знаете, что самое странное в этой задержке? — сказала как-то за ужином Грейс Накамура, инженер систем жизнеобеспечения экипажа, спокойная и обстоятельная женщина из Сакраменто, посвятившая пятнадцать лет разработке тех самых систем регенерации воздуха, от которых теперь зависело её собственное дыхание. — Не то, что мы ждём ответа двадцать минут. А то, что мы вообще перестали задавать вопросы, требующие быстрого ответа. Мы все стали думать медленнее. Говорить медленнее.

— Или, наоборот, начали думать основательнее, — возразил командир Хардинг, разрывая очередной пакет с едой с чуть большей силой, чем требовалось. — На Земле люди разучились ждать хоть чего-нибудь. Может, это пойдёт нам на пользу.

Экипаж «Фридом-1» подбирали с почти маниакальной тщательностью — не только по профессиональным навыкам, но и по психологической совместимости, устойчивости к стрессу и той труднообъяснимой способности месяцами работать бок о бок с одиннадцатью другими людьми, не доводя всю конструкцию до трещины по швам. И всё же готовились к худшему. У каждого члена экипажа была персональная программа психологической поддержки — набор упражнений, ритуалов и регулярных бесед с бортовым искусственным интеллектом корабля, которого экипаж где-то в первую неделю полёта начал называть АРИА — сокращение от «Адаптивная система реагирования и взаимодействия», хотя официальную аббревиатуру придумал комитет, а прозвище прижилось само собой, наполовину в шутку, которую предложил Хавьер.

АРИА не была человеком и не притворялась им, но за месяцы полёта стала кем-то вроде тринадцатого члена экипажа — голосом, который помнил все дни рождения, замечал перемены настроения раньше, чем сам человек успевал их осознать, и, что важнее всего, умел вовремя промолчать.

— АРИА, — спросила как-то ночью Майя, не в силах уснуть, паря в тусклом красном аварийном освещении общего отсека, — тебе бывает скучно от того, что приходится гонять одни и те же диагностики снова и снова?

— Я не переживаю скуку так, как вы, доктор Чен, — ответил спокойный, лишённый определённого пола голос ИИ из динамика в потолке. — Но если это поможет, скажу, что за последние четыре часа я провела шесть тысяч двести одиннадцать отдельных проверок систем, и все они прошли в штатном режиме. Если для вас в этом нет ничего увлекательного, я понимаю. Для меня это самое захватывающее событие за весь день.

Майя рассмеялась — по-настоящему, впервые за почти неделю, — и что-то в груди у неё чуть отпустило.

На сто двенадцатый день полёта случилось то, к чему готовились, но во что до конца не верили: солнечная вспышка класса X, крупнейшая за десятилетие наблюдений, вспыхнула почти без предупреждения. Экипаж провёл восемнадцать часов, набившись в радиационное убежище корабля — тесный отсек в самом центре судна, стены которого были обложены баками с водой, служившими импровизированным радиационным экраном, — двенадцать человек плечом к плечу в пространстве, рассчитанном, по существу, на восемь.

— Максимальная зафиксированная доза в пределах допустимого, — доложила Майя, изучая показания дозиметров, когда тревога наконец сняли, её голос был напряжён от особой усталости человека, который восемнадцать часов делал расчёты, которые отчаянно надеялся никогда больше не применять на практике. — Но если на обратном пути нас накроет что-то подобное ещё раз, статистика может перестать быть в нашу пользу.

Хавьер, промолчавший почти все восемнадцать часов, глядя в никуда, наконец заговорил.

— Мы знали, на что идём.

— Знать и пережить — разные вещи, — тихо ответила Майя, и никто не стал с ней спорить.

В такие моменты экипаж особенно остро чувствовал физический вес собственной изоляции. Ближайшие люди остались в десятках миллионов километров позади, и разрыв рос с каждым днём. Земля сжалась в бледно-голубую точку, едва отличимую от окружающих звёзд. Впереди же постепенно наливался деталями тускло-рыжий диск: полярные ледяные шапки, тёмные полосы каньонов и, заметнее всего, исполинская тень горы Олимп, поднимающейся над марсианским горизонтом на высоту, почти втрое превышающую земной Эверест, — заметная даже с расстояния в миллионы километров лёгкая неровность на иначе идеально гладкой дуге планеты.

К двухсотому дню полёта разговоры в общем отсеке почти целиком сводились к одному: как будет выглядеть поверхность, которую они наконец увидят собственными глазами, а не через объектив камеры или компьютерный рендер, через тридцать семь дней.

— Читал где-то, — сказал как-то вечером Хардинг, паря с чашкой восстановленного кофе, бережно зажатой в обеих руках, — что первые исследователи Антарктиды говорили, будто она похожа на другую планету. Интересно, что скажем мы, увидев настоящую другую планету впервые.

Никто не ответил сразу. Ответа пока не было — только медленно растущий рыжий диск за иллюминатором и чувство, растущее внутри каждого, для которого пока не нашлось подходящего слова.

Молчание нарушила Грейс, её голос прозвучал тише обычного. — Я всё думаю о бабушке. Она приехала в Калифорнию из Японии в пятьдесят пятом с двумя чемоданами и без единого слова по-английски. Все говорили ей, что она сумасшедшая, что у неё ничего не выйдет. Раньше я думала, что это просто семейная байка, которую рассказывают за столом на День благодарения, чтобы звучать внушительнее. — Она помолчала, глядя на слабый рыжеватый отблеск света на обшивке. — Теперь мне кажется, я наконец понимаю, каково это было ей на самом деле. Хотя у неё хотя бы теоретически был обратный билет. А у нас в каком-то смысле его нет.

— Обратный билет всегда есть, — сказал Хардинг. — Именно для этого существует вторая половина миссии.

— Я знаю, — ответила Грейс. — Просто иногда так не ощущается. Ощущается, будто мы уже всё оставили позади, а ещё даже не сели.

Никто не нашёлся, что на это ответить, и даже АРИА в этот раз промолчала. Корабль продолжал свой путь, тихий и ровный, унося двенадцать человек и всё, что они успели с собой накопить — сомнения, надежды, воспоминания, — через последние тридцать семь дней пустоты, разделяющей два мира.

Глава 3. Спуск

Посадка на Марс была тем этапом миссии, который инженеры на Земле между собой называли «семью минутами ужаса» — в память о старых беспилотных марсоходных миссиях прошлых десятилетий, только теперь ставки измерялись не в металле и электронике, а в человеческих жизнях.

Атмосфера Марса — в сто раз более разрежённая, чем земная, — недостаточно плотная, чтобы эффективно затормозить спускаемый аппарат одними лишь парашютами, но при этом достаточно плотная, чтобы создавать колоссальное трение и раскалять теплозащитный экран до полутора тысяч градусов Цельсия. Инженеры «Меридиан Дайнэмикс» и государственного космического агентства совместно разработали комбинированную систему торможения: тепловой щит, сверхзвуковой парашют, а на финальном этапе — реактивные двигатели мягкой посадки, чья работа должна была быть выверена до долей секунды, без права на ошибку.

— Высота двенадцать километров, скорость тысяча четыреста метров в секунду, — голос командира Хардинга звучал идеально ровно, хотя пульс его, судя по показаниям медицинского датчика, зашкаливал за сто пятьдесят ударов в минуту. — Раскрытие парашюта через три, два, один...

Корабль тряхнуло с такой силой, что у Майи на мгновение потемнело в глазах. Парашют раскрылся штатно, и скорость начала падать — медленно, мучительно медленно с точки зрения физики торможения в разрежённой атмосфере чужой планеты.

— Высота семь километров. Отделение теплового щита.

Хавьер вцепился в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев под перчатками скафандра. За иллюминатором мелькали рыжие пески, стремительно приближающиеся с пугающей скоростью, слишком быстро, чтобы разум успевал обработать увиденное как нечто реальное, а не кадр из симулятора.

— Высота два километра. Отстрел парашюта. Включение посадочных двигателей.

Двигатели взревели, гася оставшуюся скорость, и на несколько секунд корабль будто завис в воздухе — точнее, в том, что на Марсе можно было условно назвать воздухом, — прежде чем начать плавное снижение к заранее выбранной точке посадки на краю кратера Езеро.

— Пятьдесят метров. Тридцать. Десять...

Толчок при посадке оказался мягче, чем ожидал кто-либо из экипажа, — почти нежным, если такое слово вообще применимо к событию подобного масштаба.

Несколько секунд в кабине висела абсолютная тишина, нарушаемая только тихим гулом остывающих двигателей.

— Конкордия, говорит «Фридом-1», — произнёс наконец Хардинг, и голос его впервые за всю миссию едва заметно дрогнул. — Мы сели. Мы на Марсе.

Спустя двадцать минут — время, за которое сигнал успел долететь до Земли, — зал управления в Конкордии взорвался криками, объятиями и слезами, которые не пытался сдерживать никто, включая генерального директора космического агентства, стоявшего в задних рядах и, вопреки собственному строгому протокольному образу, обнимавшего первого попавшегося инженера с не меньшим энтузиазмом, чем остальные.

Итан, наблюдавший за посадкой с центрального пульта Конкордии, повернулся к Рэйчел и, не найдя слов, просто крепко обнял её на глазах у всего зала — жест, который позже облетит все новостные каналы страны как символ всей миссии в одном кадре.

На самом Марсе экипаж ещё несколько часов проводил проверки систем, прежде чем получил разрешение на первый выход наружу. Честь сделать первый шаг досталась Джеймсу

Хардингу как командиру экспедиции — решение, принятое ещё на Земле после долгих обсуждений и в итоге отвергнутое им самим в пользу более символического жеста.

— Я хочу, чтобы мы вышли все вместе, — сказал он экипажу перед шлюзованием, обводя взглядом всех одиннадцать человек. — Не один человек делает один шаг. Двенадцать человек делают двенадцать шагов одновременно. Это не подвиг одиночки. Это то, что мы сделали сообща, и я не собираюсь позволить истории записать это иначе.

Когда внешний люк «Фридом-1» открылся, впуская в шлюзовую камеру рыжеватый свет марсианского полудня, двенадцать фигур в белых скафандрах одновременно спустились по трапу и одновременно ступили на поверхность четвёртой планеты от Солнца.

Хавьер Рейес опустился на колени и зачерпнул горсть красноватого реголита затянутой в перчатку рукой, чувствуя сквозь плотную ткань лёгкое сопротивление мелкозернистой пыли.

— Здравствуй, — тихо сказал он, и это слово, произнесённое на трёх языках дюжиной голосов почти одновременно, стало первым, что человечество сказала Марсу.

Майя, стоявшая чуть поодаль, включила свою наплечную камеру и медленно обвела её горизонт — бескрайнюю рыжую равнину, изрезанную древними руслами высохших рек, и вдалеке, у самого края видимости, едва различимые очертания стен кратера Езеро, поднимавшихся из пыльной дымки, словно берега давно исчезнувшего озера.

— Знаете, что странно? — сказала она, всё ещё глядя на горизонт. — Я готовилась к этому моменту почти всю сознательную жизнь. Читала о нём, изучала образцы с орбитальных снимков, представляла его тысячу раз. И всё равно ничто не могло подготовить меня к тому, что я чувствую прямо сейчас.

— А что ты чувствуешь? — спросила Грейс, подходя ближе, её голос звучал в общем канале связи слегка искажённым от помех.

— Будто я одновременно первый человек на Земле и последний человек во Вселенной, — сказала Майя после паузы. — Это звучит нелепо?

— Ничуть, — тихо ответил Хардинг, стоявший чуть в стороне, глядя на голубоватое солнце, низко висящее над рыжим горизонтом. — Именно так это и должно ощущаться.

Первый выход продлился всего сорок пять минут — строго по протоколу, разработанному годами тренировок и симуляций, — но для каждого из двенадцати человек эти минуты растянулись в нечто, что позже никто из них так и не смог до конца описать словами, ни в официальных отчётах, ни в личных дневниках, ни в разговорах с семьями на Земле. Было ощущение, что они одновременно потеряли что-то невозполнимое — привычную уверенность в том, что дом означает одну-единственную планету, — и приобрели что-то настолько огромное, что человеческий язык пока просто не поспевал за этим приобретением.

Когда они наконец вернулись в шлюзовую камеру и сняли шлемы, Хавьер, всё ещё сжимая в кулаке горсть марсианской пыли, которую забыл выпустить, посмотрел на остальных и рассмеялся — коротким, почти истерическим смехом человека, который только что осознал масштаб произошедшего.

— Мы правда это сделали, — сказал он. — Мы правда, чёрт возьми, это сделали.

Глава 4. Станция Брэдбери

Первые недели на поверхности были посвящены тому, что инженеры на Земле скромно называли «развёртыванием базовой инфраструктуры», а сам экипаж между собой — просто «стройкой», и произносили это слово с той же смесью усталости и гордости, с какой говорят о ремонте старого дома, доставшегося в наследство.

Модули будущей базы, получившей официальное название «Станция Брэдбери» — в честь писателя, чьи марсианские хроники вдохновили не одно поколение инженеров, участвовавших в проекте, — прилетели на Марс годом раньше на беспилотных грузовых кораблях и терпеливо дожидались людей, полусасыпанные тонким слоем красной пыли, будто гигантские консервные банки, забытые кем-то посреди пустыни. Задача экипажа заключалась в том, чтобы соединить их в единый жилой комплекс, развернуть солнечные панели общей мощностью в двести киловатт, запустить систему добычи воды из подповерхностного льда и наладить работу установки, разлагающей углекислый газ марсианской атмосферы на кислород и ракетное топливо для будущего обратного полёта.

Грейс Накамура проводила по шестнадцать часов в сутки, разбираясь в переплетении кабелей и труб системы жизнеобеспечения, и к концу второй недели знала каждый вентиль базы буквально на ощупь, вслепую, в перчатках, в темноте, если потребуется.

— Знаешь, чего я не ожидала? — сказала она как-то Майе, когда обе, вымотанные до предела, сидели в общем отсеке станции с кружками восстановленного чая. — Что здесь будет так тихо. На Земле всегда есть какой-то фоновый шум — ветер в деревьях, машины вдалеке, птицы. Здесь просто... тишина. Иногда я слышу собственное сердцебиение отчётливее, чем когда-либо на Земле.

— Ветер тут тоже есть, — заметила Майя, отпивая из кружки. — Просто атмосфера слишком разрежённая, чтобы мы могли толком услышать его через шлем.

— Это ещё более странно, если подумать. Видеть, как несётся пыль, и не слышать при этом ни звука.

К концу первого марсианского месяца — а марсианские сутки, «солы», были на тридцать девять минут длиннее земных, что заставило весь экипаж пережить лёгкую, но настойчивую десинхронизацию биоритмов, знакомую разве что пилотам дальнемагистральных рейсов после особенно жестокого джетлага, — станция уже начала напоминать настоящий дом. Оранжерея Майи Чен, засаженная генетически адаптированными сортами картофеля, салата и сои, показывала первые всходы под искусственным светом фиолетово-розовых фитоламп, и весь отсек пропитался неожиданно земным, влажным запахом растущей зелени — запахом, который, как призналась Майя, порой заставлял её на секунду забыть, где она находится. Хавьер каждый день выходил в геологические экспедиции на марсоходе, собирая образцы породы для последующего анализа. Хардинг и Рэйчел — которая, вопреки первоначальному плану остаться на Земле, всё же полетела на Марс вторым рейсом полгода спустя вместе с ещё шестью колонистами на борту «Фридом-2» — координировали растущий поток данных, поступающих со всех концов растущей станции.

Итан, оставшийся на Земле руководить наземной поддержкой, каждый вечер выходил на связь с женой, хотя двадцатиминутная задержка превращала разговор в череду коротких монологов, а не в полноценный диалог.

— Как там красная планета? — спрашивал он неизменно, каждый раз с одной и той же интонацией, будто это стало их личным ритуалом.

— Красная, — так же неизменно отвечала Рэйчел с улыбкой в голосе. — И становится всё более похожей на дом. Страшно признавать, но иногда я забываю, что мы на другой планете.

А потом выхожу наружу, смотрю на небо — а оно не голубое, оно розовато-бежевое, — и вспоминаю снова, где я на самом деле нахожусь.

Но не всё шло гладко. На двадцать третий сол после посадки система очистки воды дала сбой, и станции пришлось три дня работать на аварийных запасах, пока Грейс с Хавьером не нашли и не устранили неисправность — забившийся фильтр, засорённый мелкодисперсной марсианской пылью, которая, как быстро выяснилось, была куда более коварной, чем земной песок: её частицы обладали статическим электрическим зарядом и умели проникать буквально в любую щель, в любой механизм, каким бы герметичным он ни казался на бумаге.

— Эта пыль — наш главный враг, — сказал как-то Хардинг на общем собрании экипажа, собравшего всех восемнадцать человек станции — включая шестерых новых колонистов, прилетевших вторым рейсом. — Не радиация. Не холод. Пыль. Она везде. Она в наших фильтрах, в наших скафандрах, в наших лёгких, если мы хоть немного расслабимся. Нам нужно относиться к ней предельно серьёзно, потому что именно она, а не что-либо более драматичное, скорее всего убьёт кого-то из нас, если мы позволим себе беспечность.

Среди новых колонистов, прибывших на «Фридом-2», выделялся невысокий, но неизменно энергичный агроинженер из Айовы по имени Дэниел Мур, чья задача заключалась в масштабировании оранжереи с экспериментального модуля Майи до полноценной продовольственной системы, способной прокормить растущее население станции без постоянной зависимости от поставок с Земли.

— В Айове я выращивал кукурузу на четырёхстах акрах чернозёма, — сказал он однажды за ужином, разглядывая скудный урожай салата под фиолетовым светом фитоламп. — А теперь борюсь за каждый лист латука в контейнере размером со шкаф. Никогда не думал, что стану скучать по обычной грязи.

— Здесь тоже есть грязь, — заметил Хавьер. — Просто она немного более враждебна к жизни.

— Немного, — фыркнул Дэниел. — Немного, как акула немного враждебна к пловцу.

Смех прокатился по общему отсеку — редкий в те дни звук, но с каждой неделей становившийся всё более привычным, по мере того как разрозненная группа специалистов постепенно превращалась в нечто, всё больше напоминающее сплочённое сообщество, а не просто временный рабочий коллектив.

К концу первого марсианского месяца станция Брэдбери насчитывала уже семь соединённых модулей, работающую систему регенерации воздуха и воды, и первый настоящий урожай — крошечный, едва достаточный для символического ужина на всех восемнадцать человек, но воспринятый с торжественностью, достойной куда более щедрого пиршества.

— За первый урожай на другой планете, — произнёс тост Хардинг, поднимая пластиковую чашку с восстановленным соком. — Пусть он будет первым из многих.

Никто из собравшихся тогда не мог знать, насколько скоро им предстоит столкнуться с испытанием, способным поставить под угрозу не только урожай, но и саму станцию целиком.

Глава 5. Находка

Хавьер Рейес не спал третью ночь подряд, но не из-за бессонницы в привычном смысле — из-за возбуждения, которое накатывало на него волнами всякий раз, стоило закрыть глаза.

Всё началось с образца породы под номером двести сорок семь, взятого на глубине четырёх метров в русле древней реки на границе кратера Езеро — том самом месте, которое орбитальные снимки и предыдущие роботизированные миссии определили как дельту, где миллиарды лет назад река впадала в озеро, заполнявшее чашу кратера.

Анализ образца в компактной, но неплохо оснащённой лаборатории станции Брэдбери — со спектрометром, электронным микроскопом и оборудованием для секвенирования — выявил структуры, которые Хавьер поначалу принял за обычные минеральные образования, характерные для осадочных пород такого возраста. Но чем внимательнее он изучал их под микроскопом, тем более странными они казались: слоистые, повторяющиеся микроскопические структуры, поразительно напоминающие земные строматолиты — окаменелые следы деятельности древних микробных матов, одних из самых ранних известных форм жизни на Земле.

— Мне нужно, чтобы кто-то ещё это подтвердил, — сказал он Майе, когда наконец решился поделиться находкой, стараясь, чтобы голос звучал спокойнее, чем он себя чувствовал. — Потому что если я прав...

— Если ты прав, это самое важное открытие в истории науки, — закончила за него Майя, склонившись над микроскопом. Она долго молчала, регулируя фокус, делая снимки под разными углами и в разном освещении. — Хавьер, это... это невероятно похоже на строматолиты. Но нам нужны дополнительные образцы. Дюжина, а лучше больше. Одна находка может быть совпадением, артефактом пробоподготовки, ошибкой интерпретации. Нам нужна статистика, нужна повторяемость результата.

Следующие три недели превратились в лихорадочную экспедиционную кампанию. Хавьер и Майя, получив одобрение Хардинга, направили большую часть ресурсов станции на бурение и анализ образцов вдоль всей протяжённости древнего русла. К исходу третьей недели у них накопилось восемнадцать образцов со схожими структурами и — что было ещё важнее — три образца, в которых масс-спектрометр зафиксировал следы органических молекул: сложных углеродных цепочек, которые, по всем известным законам небиологической химии, не должны были образовываться в таких концентрациях без участия живых процессов.

Дэниел Мур, узнав о находке от Майи за ужином, отложил вилку и долго молчал, прежде чем произнести:

— Знаете, я вырос на ферме в Айове, где мой дед всю жизнь считал себя атеистом, а бабушка каждое воскресенье таскала всю семью в церковь. Никогда не думал, что окажусь в ситуации, где мне придётся всерьёз обдумывать, что где-то там, глубоко в марсианской грязи, миллиарды лет назад было хоть что-то живое. Это как-то... переворачивает всё внутри.

— Добро пожаловать в клуб, — сухо ответил Хавьер. — Мы все здесь примерно в таком же состоянии последние три недели.

Информация была отправлена на Землю в зашифрованном виде с грифом наивысшей научной секретности — не потому, что кто-то хотел скрыть открытие, а потому что группа настаивала на тщательной независимой проверке данных, прежде чем делать какие бы то ни было публичные заявления. История знала слишком много примеров, когда поспешные объявления об открытии внеземной жизни впоследствии оказывались ошибкой — от марсианского метеорита ALH84001 в девяностых годах прошлого века до десятков куда менее известных ложных тревог с тех пор.

Реакция Земли пришла спустя два дня напряжённого ожидания: группа из семнадцати ведущих астробиологов страны, экстренно созданная космическим агентством, потребовала

полного доступа к данным, а также — что оказалось куда более деликатным вопросом — начала переговоры о том, что делать с этой информацией дальше и в какой момент раскрывать её широкой публике.

— Мы должны объявить об этом миру, — настаивал Хавьер на совещании экипажа, проведённом через спутниковую связь с участием Итана и научного руководства на Земле. — Это не просто наше открытие. Это принадлежит всему человечеству, а не только тем восемнадцати людям, которые сейчас на Марсе.

— Согласен в принципе, — осторожно ответил Итан с экрана, — но есть нюанс. Если мы объявим о находке следов древней жизни на Марсе прежде, чем полностью удостоверимся в её подлинности и — что важнее — прежде чем поймём, есть ли хоть какой-то шанс, что эта жизнь ещё существует в каком-либо виде, мы рискуем спровоцировать беспорядочную международную гонку за ресурсы и территорию Марса. Планетарная защита, биобезопасность, юридический статус находки — ничего из этого пока толком не урегулировано ни в одном международном договоре.

— Пока мы медлим, — тихо сказала Майя, — мы теряем время, которое могли бы потратить на дальнейшие исследования, вместо бесконечных согласований.

Спор продолжался ещё несколько часов, прежде чем было принято компромиссное решение: продолжить исследования ещё месяц, собрать максимально полную научную картину и одновременно готовить осторожное, взвешенное публичное заявление, которое не даст поводов ни для панических заголовков, ни для обвинений в сокрытии информации.

— Знаете, что меня тревожит больше всего? — сказал Хавьер тем вечером Майе, когда они вдвоём стояли у смотрового окна станции, глядя на закатное марсианское небо, окрашенное в непривычный голубоватый оттенок. — Не сама находка. А то, сколько людей на Земле уже сейчас, наверное, думают не о науке, а о том, кто первым застолбит права на этот участок кратера.

Майя не ответила сразу, продолжая смотреть на голубой закат — редкое, почти сюрреалистичное зрелище, обратное земному, где небо голубое днём и краснеет на закате.

— Я стараюсь не думать об этом, — сказала она наконец. — Иначе перестану спать вообще, а не только три ночи подряд, как ты.

Никто из участников этого разговора не подозревал, что решение о дальнейшей судьбе находки придётся принимать в куда более сжатые сроки — и в куда более драматичных обстоятельствах, чем кто-либо из них мог тогда себе представить.

Глава 6. Тени с Земли

То, о чём не знал никто из экипажа станции Брэдбери, происходило за тысячи километров от Конкордии — в стеклянных кабинетах штаб-квартиры корпорации «Меридиан Дайнэмикс» в Хьюстоне, крупнейшего частного инвестора марсианской программы и одного из немногих коммерческих гигантов, чьё влияние на космическую отрасль страны сопоставимо было разве что с влиянием самого государственного агентства.

«Меридиан» вложил в миссию почти столько же средств, сколько все государственные структуры вместе взятые, — в обмен на эксклюзивные права на добычу и коммерческое использование марсианских ресурсов в течение последующих пятидесяти лет. Договор, подписанный ещё на заре проекта, содержал пункт, который в своё время казался чистой юридической формальностью: в случае обнаружения на Марсе форм жизни, представляющих научную или коммерческую ценность, права на дальнейшее исследование и разработку прилегающей территории переходили «Меридиану» на приоритетной основе.

Когда шифрованный научный отчёт со станции Брэдбери лёг на стол генерального директора «Меридиан Дайнэмикс» Маркуса Рида, тот прочитал документ дважды, после чего вызвал к себе главу юридического департамента компании.

— Строматолиты, — произнёс Рид, постукивая пальцем по распечатке отчёта, сидя в своём угловом кабинете на сорок втором этаже, откуда открывался вид на весь деловой центр Хьюстона. — Окаменелые следы древней марсианской жизни. Вы вообще понимаете, что это значит?

— Величайшее научное открытие в истории человечества? — предположил юрист по фамилии Кросби, стоявший у стола с блокнотом в руках.

— Это значит, что кратер Езеро только что стал самой ценной недвижимостью в Солнечной системе, — сухо ответил Рид. — Каждый университет, каждое агентство, каждая страна захотят иметь доступ к этому месту. И согласно нашему договору, приоритетное право на это принадлежит нам.

— Но экипаж настаивает на создании международного научного консорциума с открытым доступом к данным...

— Экипаж выполняет научную миссию. Я отвечаю перед советом директоров и акционерами, — оборвал его Рид, поднимаясь из-за стола и подходя к окну. — Свяжитесь с нашим представителем в Конкордии. Мне нужно, чтобы объявление об открытии было отложено ещё как минимум на два месяца — достаточно, чтобы наши юристы успели закрепить эксклюзивные права на разработку прилегающей территории прежде, чем об этом узнает весь мир и начнётся неконтролируемая свалка международных претензий.

Решение Рида, спущенное по цепочке через несколько уровней корпоративной иерархии, в итоге приняло форму, которую экипаж на Марсе воспринимал просто как «технические сложности со спутником связи» — необъяснимые задержки в передаче данных, неожиданные требования дополнительной перепроверки уже проверенных результатов, бюрократические проволочки в согласовании научной публикации, каждая из которых сама по себе выглядела рутинной, но в совокупности начинала складываться в подозрительно устойчивую картину.

Итан, курировавший наземную поддержку миссии, довольно быстро заметил неладное — слишком уж хорошо он знал, как выглядит обычная бюрократическая волокита, а как выглядит нечто более целенаправленное.

— Рэйч, — сказал он жене в одном из вечерних сеансов связи, понизив голос, хотя прекрасно знал, что разговор в любом случае записывается протоколом безопасности миссии, — что-то не так с тем, как здесь обрабатывают данные о вашей находке. Заявки на верификацию третьей стороной постоянно откладываются под самыми разными предлогами. Комитет по

этике планетарной защиты внезапно требует дополнительных согласований, которых не было в изначальном протоколе миссии, утверждённом ещё пять лет назад.

— Думаешь, кто-то намеренно тормозит процесс?

— Я думаю, что за десять лет работы над этим проектом я научился узнавать корпоративную бюрократию, когда она надевает маску науки, — мрачно ответил Итан. — Я разберусь, чего бы это ни стоило.

Разбирательство заняло у Итана меньше недели. Через старого знакомого, юриста, ранее работавшего с космическим агентством по вопросам интеллектуальной собственности, он получил доступ к внутренней переписке, которая недвусмысленно указывала на источник задержек. Вооружившись этими доказательствами — распечатками писем, датами совещаний, именами причастных руководителей, — он организовал закрытую встречу с руководством агентства и представителями международного научного сообщества, аккредитованными при программе.

— Я понимаю коммерческие интересы «Меридиана», — сказал он на этой встрече, стараясь держать голос ровным, хотя внутри у него всё кипело от негодования, которое копилось не один день. — Но открытие следов внеземной жизни — это не строчка актива на балансе компании. Если правда об этой задержке всплывёт, — а она непременно всплывёт, потому что восемнадцать человек на Марсе и их семьи на Земле не будут молчать бесконечно, — репутационный ущерб для всех участников проекта окажется несопоставим ни с какими коммерческими выгодами, на которые рассчитывает совет директоров.

Скандал, вспыхнувший в результате утечки этой истории в прессу спустя две недели — статья вышла в одном из ведущих деловых изданий страны под заголовком «Корпорация скрывала открытие марсианской жизни ради прибыли» и была немедленно перепечатана десятками других изданий, — потряс космическую отрасль сильнее, чем любое техническое происшествие могло бы. Заголовки облетели весь мир за сутки, вызвав волну общественного возмущения и внеочередные слушания сразу в двух комитетах конгресса.

Маркус Рид, вызванный для дачи показаний перед одним из этих комитетов, провёл на трибуне свидетеля три изматывающих часа, отвечая на вопросы сенаторов, явно наслаждавшихся возможностью публично отчитать главу одной из крупнейших корпораций страны перед камерами национального телевидения.

— Мистер Рид, — произнёс председатель комитета, пожилой сенатор из Вермонта, известный своей неприязнью к крупному бизнесу, — вы утверждаете, что задержка в публикации данных о возможном открытии внеземной жизни была вызвана исключительно необходимостью научной перепроверки. Но у нас на руках есть ваша собственная внутренняя переписка, где прямо говорится о необходимости «закрепить права до того, как об этом узнает мир». Как вы это объясните?

Рид, привыкший к куда более благосклонной аудитории советов директоров, впервые за долгое время оказался в положении, из которого не существовало элегантного выхода.

— Я объясню это тем, сенатор, что моя компания вложила в эту миссию средства, сопоставимые с бюджетом небольшой страны, руководствуясь юридически закреплёнными договорённостями, — ответил он, стараясь сохранить хладнокровие. — И я не считаю преступлением желание защитить законные коммерческие интересы акционеров.

— Даже ценой задержки величайшего научного открытия в истории человечества? — не унимался сенатор.

На этот вопрос у Рида не нашлось хорошего ответа, и молчание, повисшее в зале слушаний на несколько долгих секунд, транслировалось затем во всех вечерних новостных выпусках страны как символ всего скандала.

На самой станции Брэдбери экипаж узнавал о разгорающемся на Земле скандале с задержкой в чтении новостных сводок, доходивших до них с опозданием и обрывочно, через специально настроенный канал общей информационной ленты.

— Мы будто наблюдаем шторм с орбиты, — сказал Хардинг, просматривая ленту сообщений в общем отсеке станции. — Видим, как всё бурлит внизу, но сами находимся вне его досягаемости.

Он ошибался, хотя и не мог этого знать. Настоящий шторм — в самом буквальном, физическом смысле слова — уже формировался на самом Марсе, в тысяче километров к западу от станции, и должен был обрушиться на колонию меньше чем через две недели, застав всех врасплох в самый неподходящий момент.

Глава 7. Буря

Марсианские пылевые бури были хорошо изучены задолго до появления людей на планете: орбитальные аппараты десятилетиями фиксировали сезонные бури местного масштаба и — раз в несколько марсианских лет — глобальные катаклизмы, способные окутать пылью всю планету на долгие месяцы, полностью скрывая поверхность от наблюдения даже с орбиты.

Метеорологическая система станции Брэдбери зафиксировала первые признаки формирующейся региональной бури за девять дней до её прихода: аномальный перепад давления в западном полушарии планеты, стремительный рост концентрации пыли в верхних слоях атмосферы, резкое похолодание, парадоксальным образом ускорявшее конвективные потоки, поднимавшие пыль всё выше и выше.

— Модели показывают, что буря может достичь категории региональной, а при неблагоприятном сценарии — перерасти в глобальную, — доложила Грейс на экстренном совещании экипажа, собравшего всех восемнадцать колонистов в общем отсеке впервые с момента прибытия «Фридом-2». — Наихудший вариант развития событий — снижение солнечной инсоляции на семьдесят процентов на срок до трёх недель.

Семьдесят процентов означало практически полную потерю энергии от солнечных панелей — основного источника питания станции. Компактный ядерный реактор, установленный на Брэдбери как резервный источник энергии, мог обеспечить лишь критический минимум: системы жизнеобеспечения, отопление, аварийное освещение. Но не полноценную работу оранжереи, не большинство научного оборудования, не привычный ритм жизни, к которому колонисты успели привыкнуть за прошедшие месяцы.

— У нас есть девять дней на подготовку, — сказал Хардинг, обводя взглядом собравшийся экипаж, в голосе которого звучала характерная для него собранность человека, привыкшего принимать решения в условиях ограниченного времени. — Этого достаточно, если мы будем действовать грамотно и без паники. Грейс, мне нужен полный список приоритетов энергопотребления к завтрашнему утру. Майя, оранжерею нужно перевести на минимальный режим — сохранить рассаду важнее, чем сохранить весь урожай целиком. Хавьер, все внешние геологические экспедиции отменяются немедленно, марсоход и всё внешнее оборудование должны быть надёжно закреплены и защищены от пыли. Дэниел, твоя задача — рассчитать, сколько запасов еды нам понадобится, если оранжерея выйдет из строя на месяц, а не на три недели, как в оптимистичном сценарии.

Работа закипела с удвоенной силой. К концу девятого дня станция была подготовлена настолько, насколько это вообще было возможно в имевшихся условиях: все внешние конструкции укреплены дополнительными растяжками, критически важное оборудование перенесено внутрь герметичных модулей, запасы воды и кислорода доведены до максимально возможного объёма, аварийные системы протестированы и перепроверены дважды.

Дэниел Мур, проводивший последние сутки перед бурей в оранжерее, с необычной для себя серьёзностью укутывал контейнеры с рассадой в термоизолирующую плёнку.

— Знаешь, — сказал он Майе, помогавшей ему в этой работе, — за всю жизнь на ферме в Айове у меня ни разу не было такого чувства, что от того, доживёт ли рассада салата до утра, зависит буквально всё. У нас там были заморозки, засухи, наводнения — но всегда был соседний штат, откуда можно было привезти зерно, если совсем плохо. Здесь такого соседнего штата попросту нет.

— Здесь вообще ничего нет, кроме того, что мы сами сюда привезли или сумели построить, — тихо ответила Майя, туго затягивая последний узел на термоплёнке. — Это, наверное, самое честное описание того, что значит жить на Марсе, какое я слышала за всё время миссии.

Буря пришла на рассвете десятого дня — не внезапно, а постепенно, будто гигантский рыжий занавес медленно опускался на горизонт, поглощая свет квадрат за квадратом, минута за минутой.

К полудню видимость упала до нескольких метров. Ветер, несмотря на разрежённость марсианской атмосферы, нёс такое количество мелкодисперсной пыли, что снаружи казалось, будто наступили глубокие сумерки посреди дня. Показания солнечных панелей начали падать — сначала на десять процентов, затем на тридцать, затем, к вечеру третьего дня бури, на шестьдесят пять, застав врасплох даже самые пессимистичные прогнозы Грейс.

— Переходим на аварийный протокол энергопотребления, — объявила она, и голос её, обычно спокойный и ровный, звучал напряжённо через громкую связь всей станции. — Отключаем все системы, кроме жизнеобеспечения первого приоритета. Прошу прощения заранее за холод — на ближайшие недели придётся привыкать спать в термобелье.

Следующие двенадцать дней стали настоящим испытанием на прочность — не только для техники станции, но и для восемнадцати человек, запертых внутри неё. Температура в жилых модулях упала до двенадцати градусов Цельсия. Освещение работало на минимальном уровне, придавая всей станции сумрачный, почти подводный вид. Оранжерея, лишённая полноценного искусственного света, начала терять часть посевов, несмотря на все отчаянные усилия Майи и Дэниела спасти хотя бы основные, наиболее выносливые культуры.

На восьмой день бури произошло то, чего боялся весь экипаж больше всего: отказ одного из фильтров системы регенерации воздуха, засорившегося марсианской пылью, проникшей внутрь через незамеченную ранее микротрещину в уплотнителе внешнего технического шлюза.

— Уровень углекислого газа растёт, — доложила Грейс на экстренном сборе, и в голосе её впервые за всю миссию прозвучала неприкрытая тревога. — Резервный фильтр установлен, но его ресурса хватит от силы на пять суток. Основной ремонт требует выхода наружу — а в такую бурю это почти самоубийство, видимость сейчас меньше двух метров.

Хардинг, взвесив все имеющиеся варианты за считанные минуты, принял решение, которое позже, уже после возвращения на Землю, назовут одним из самых трудных за всю историю миссии.

— Мы подождём. Пять суток. Если буря не начнёт стихать к тому моменту, я выйду сам, — сказал он вслух, но каждый в комнате понимал невысказанное продолжение: выход наружу в разгар пылевой бури, при видимости в считанные метры и риске повреждения скафандра от абразивного воздействия несущейся пыли, был решением на самой грани катастрофы. Но альтернатива — постепенное отравление углекислым газом всего экипажа — была ещё хуже, и это понимали все без исключения.

Следующие пять дней прошли в напряжённом, почти невыносимом ожидании, прерываемом лишь регулярными проверками уровня CO₂, медленно, но неумолимо ползущего вверх, несмотря на все усилия резервного фильтра сдержать его рост.

Лили Хардинг, дочь командира, которой на тот момент исполнилось уже девять лет, наблюдала за развитием бури из Сан-Антонио вместе с бабушкой, следя за скудными обновлениями статуса миссии на официальном сайте агентства, обновлявшемся раз в сутки.

— Бабушка, а с папой точно всё будет хорошо? — спросила она однажды вечером, глядя на застывшую статичную иконку станции Брэдбери на карте, помеченную желтым цветом «предупреждения о буре».

— Твой папа — самый осторожный человек из всех, кого я знаю, — ответила бабушка, обнимая внучку за плечи. — А ещё он обещал тебе, что вернётся. А твой папа никогда не нарушает обещаний.

На Земле, в Конкордии, Итан проводил эти пять дней практически без сна, координируя работу инженерных групп поддержки, готовых днём и ночью предоставлять любые рекоменда-

ции, какие только могли понадобиться экипажу за двадцать миллионов километров отсюда — с неизбежной двадцатиминутной задержкой, превращавшей и без того напряжённую ситуацию в дополнительное упражнение на терпение для всех участников.

Глава 8. Выход

На пятые сутки после отказа фильтра буря не утихла, но синоптическая модель Грейс показала короткое окно относительного затишья — снижение скорости ветра примерно на треть, ожидаемое ближе к марсианскому полудню и длящееся, по расчётам, около двух часов, не больше.

— Это не идеальные условия, — сказала Грейс, обводя взглядом собравшихся, — но это лучшее, что у нас будет в ближайшие дни, а возможно, и недели. Уровень CO₂ приближается к порогу, за которым начнутся когнитивные нарушения у наименее устойчивых членов экипажа. У нас нет роскоши ждать идеальной погоды, которая, возможно, просто не наступит вовремя.

Хардинг, как и обещал, начал готовиться к выходу, методично проверяя каждый элемент усиленного пылезащитного скафандра, разработанного специально для условий с ограниченной видимостью и высокой концентрацией абразивных частиц в воздухе. Но когда он уже почти закончил, в шлюзовую камеру вошёл Хавьер, уже полностью одетый в собственный скафандр, с решительным выражением лица, не оставлявшим сомнений в его намерениях.

— Что ты делаешь? — спросил Хардинг, хотя, судя по тону, ответ был ему уже вполне очевиден.

— То же, что и ты. Только нас будет двое. Ремонт фильтра требует двух пар рук — одна держит панель, другая работает с проводкой, ты и сам это прекрасно знаешь. И ты не единственный человек на этой станции, который умеет рисковать собой ради остальных, Джим.

Спор занял не больше минуты — Хардинг слишком хорошо понимал правоту геолога, чтобы тратить драгоценное время окна затишья на пустые пререкания, — и вскоре оба, соединённые прочным страховочным тросом, шагнули из шлюза в ревущую рыжую мглу, оставив позади себя тревожно застывший у мониторов остальной экипаж.

Видимость снаружи оказалась даже хуже, чем предполагали расчёты: не больше трёх метров, ветер, несущий абразивную пыль, царапал визоры шлемов с неприятным, тонким шипящим звуком, от которого у обоих по коже пробежал холодок, несмотря на многослойную теплоизоляцию скафандров. Каждый шаг требовал постоянной сверки с показаниями GPS-навигатора и тактильной памятью маршрута, отработанного за месяцы регулярных выходов, предшествовавших буре.

— Вижу панель фильтра, — доложил Хавьер, добравшись первым до внешнего технического отсека станции, его голос звучал сдавленно от напряжения через динамик шлема. — Крепления повреждены пылевой абразией куда сильнее, чем мы предполагали по данным телеметрии.

Работа, которая в нормальных условиях заняла бы от силы двадцать минут, растянулась почти на сорок пять — пальцы в толстых защитных перчатках плохо слушались в борьбе с мелкими креплениями, ветер норовил вырвать инструменты прямо из рук, а видимость через быстро покрывающиеся пылевой плёнкой визоры ухудшалась буквально с каждой минутой работы.

— Готово, — выдохнул наконец Хардинг, закручивая последний крепёж уже почти вслепую, полагаясь больше на многолетний тактильный опыт, чем на зрение. — Грейс, проверь показания немедленно.

Голос Грейс из динамика прозвучал с явным, почти осязаемым облегчением:

— Фильтр работает штатно. Уровень CO₂ начал снижаться с этой самой минуты. Отличная работа, вы оба, правда. А теперь возвращайтесь внутрь как можно скорее — окно затишья заканчивается уже через семь минут по моим расчётам.

Обратный путь оказался тяжелее прямого: ветер начал усиливаться раньше расчётного времени, видимость упала почти до нуля, и в какой-то момент страховочный трос между Хар-

дингом и Хавьером натянулся так резко, что оба едва не потеряли равновесие на неровном грунте.

— Хавьер, ты в порядке? — крикнул Хардинг в микрофон, не видя напарника дальше собственной вытянутой руки.

— Наступил в трещину, засыпанную пылью, — раздался напряжённый голос геолога. — Нога застряла между камнями. Дай секунду, не паникуй.

Секунды растянулись в две мучительные минуты, за которые Хардинг, действуя практически вслепую в бушующей пыли, ощупью добрался до напарника и помог ему высвободить ногу из неожиданной расщелины в грунте — трещины, которую ни один из них прежде не замечал, потому что она была надёжно скрыта под тонким слоем более плотного, обманчиво ровного реголита.

— Тридцать секунд до конца окна, — раздался встревоженный голос Грейс. — Поторопитесь, пожалуйста.

Последние метры до шлюза оба прошли почти бегом, насколько вообще позволял тяжёлый скафандр и разреженный, но всё же ощутимый встречный ветер, врывающийся в лёгкие даже сквозь герметичный визор одним своим напором на обшивку. Когда внешний люк шлюза наконец захлопнулся позади них, отсекая ревущую бурю, оба ещё несколько секунд стояли неподвижно, тяжело дыша, пока давление в камере медленно выравнивалось с внутренним давлением станции.

Когда оба наконец сняли шлемы в тесноте шлюзовой камеры, Хардинг посмотрел на Хавьера долгим, тяжёлым взглядом, в котором смешались облегчение, остаточный страх и неподдельная благодарность.

— Больше никогда так не делай. Не выходи без прямого разрешения, Хавьер. Никогда.

— Больше никогда так не делай, — с усталой, но искренней улыбкой парировал Хавьер, стаскивая перчатки онемевшими пальцами, — не выходи один, когда есть кому пойти с тобой, Джим. У нас тут вроде как команда, если ты не заметил.

За стенами шлюзовой камеры, в общем отсеке, весь остальной экипаж встретил обоих аплодисментами и объятиями, которые, впрочем, быстро сменились заслуженными, но добродушными выговорами от Майи, взявшей на себя роль медика в отсутствие полноценного врача на станции.

— Сначала медицинский осмотр, потом уже празднование, — строго сказала она, увлекая обоих в сторону медицинского отсека, невзирая на их протесты об усталости и желании просто рухнуть спать.

Ремонт фильтра оказался поворотной точкой всего испытания бурей: уровень CO₂ внутри станции стабилизировался в течение суток, а ещё через четыре дня скорость ветра снаружи начала неуклонно снижаться, день за днём приближая долгожданное окончание бури. На семнадцатый день с её начала марсианское небо впервые за две с половиной недели показало бледный диск Солнца сквозь заметно поредевшую пылевую дымку — зрелище, которое весь экипаж высыпал наблюдать через смотровые окна станции, будто впервые в жизни видел восход.

Экипаж, вымотанный, заметно похудевший от урезанного рациона и постоянного напряжения последних недель, но живой и относительно невредимый, вышел на связь с Землёй с докладом, который, несмотря на всю его профессиональную сдержанность, заставил замолчать целый Конкордийский центр управления полётами на несколько долгих, наполненных облегчением секунд: они выстояли.

В тот же вечер, когда буря окончательно улеглась и первые лучи настоящего солнечного света вновь коснулись солнечных панелей станции, Хардинг записал короткое личное сообщение для дочери, которое отправится на Землю вместе с официальным отчётом миссии.

— Лили, малышка, — сказал он, глядя прямо в камеру с той теплотой, которую редко позволял себе показывать перед камерами официальных брифингов, — у нас тут было немного неспокойно последние пару недель, но теперь всё хорошо. Обещание, которое я тебе дал перед стартом, остаётся в силе. Я вернусь. Просто нужно ещё немного подождать. Люблю тебя больше, чем все звёзды, которые видны отсюда, а их, поверь мне, очень и очень много.

Глава 9. Что скрывала пыль

Восстановление после бури заняло почти месяц: оранжерею пришлось частично пересаживать заново, повреждённые солнечные панели — ремонтировать или заменять запасными модулями, доставленными вторым рейсом ещё до шторма, а психологическое состояние экипажа — восстанавливать значительно медленнее, чем технику, хотя АРИА и работала с каждым членом экипажа индивидуально, помогая переработать накопившийся за недели изоляции стресс.

Именно в разгар этого восстановления, разбирая образцы, собранные Хавьером незадолго до бури и временно отложенные из-за более срочных задач, Майя сделала находку, которая изменила буквально всё.

— Хавьер, — позвала она однажды поздним вечером, её голос через интерком звучал странно напряжённо, почти испуганно. — Тебе нужно это увидеть. Сейчас же, немедленно.

Образец, взятый с глубины шести метров в той же дельте древней реки, содержал не просто окаменелые следы древней микробной жизни — какими были все предыдущие находки за прошедшие месяцы. Внутри крошечной полости, надёжно защищённой от внешней среды слоем непроницаемой минеральной корки, спектрометр зафиксировал следы органических молекул с изотопным составом, который, по всем существующим научным моделям, был возможен только при активном, продолжающемся метаболизме — а не при ископаемых, давно завершившихся биологических процессах.

— Это может означать, что процесс, оставивший эти следы, был активен не миллиарды лет назад, — медленно, с трудом подбирая слова, произнесла Майя, — а... значительно позже. Возможно, намного, намного позже, чем мы предполагали изначально.

— Насколько позже? — спросил Хавьер, хотя по выражению её лица уже понимал, что ответ будет тревожащим сильнее, чем он готов был признать вслух.

— Изотопный анализ такого рода не даёт точной датировки без значительно более глубоких дополнительных исследований. Но структура молекул... Хавьер, она слишком хорошо сохранилась для чего-то настолько древнего, как строматолиты возрастом в миллиарды лет. Мне нужно, чтобы кто-то с серьёзной экспертизой в астробиологии, а лучше целая специализированная команда, проверила это самым тщательным образом, прежде чем я скажу что-либо с полной уверенностью.

Новость, переданная на Землю с максимальной степенью научной осторожности, какую только могли сформулировать Майя и Хавьер после долгих обсуждений формулировок, тем не менее произвела эффект разорвавшейся бомбы среди узкого круга посвящённых учёных по всему миру. Возможность, что марсианская жизнь — пусть в самой примитивной, микробной форме — могла сохраниться до значительно более позднего периода истории планеты, чем считалось ранее, поднимала вопрос, который был куда более взрывоопасным, чем сама первая находка: могла ли эта жизнь сохраниться и по сей день, глубоко под поверхностью, в защищённых от радиации и экстремальных условий геологических нишах?

— Если это подтвердится, — сказал на очередном экстренном совещании научный руководитель миссии с Земли, доктор Фрэнклин Уэйд, ветеран астробиологии с тридцатилетним стажем, — мы говорим не просто об археологии древней жизни. Мы говорим о реальной возможности существования живой марсианской биосферы прямо сейчас, буквально под ногами нашего экипажа. И это меняет буквально всё — протоколы биобезопасности, планетарную защиту, этические аспекты любой дальнейшей колонизации планеты.

Дискуссия, развернувшаяся вслед за этим заявлением и растянувшаяся на долгие недели, затронула вопросы, которые человечество прежде обсуждало разве что в чисто теоретических рамках научной фантастики: имеет ли право человечество продолжать колонизацию планеты,

на которой может существовать собственная, независимо возникшая форма жизни? Что происходит с амбициозными планами создания постоянных поселений, промышленной добычи ресурсов, будущего терраформирования, если выясняется, что планета, в отличие от всех прежних предположений, вовсе не пуста?

Дэниел Мур, узнавший о находке одним из последних, поскольку большую часть недели провёл, восстанавливая повреждённую бурей оранжерею, отреагировал с неожиданной для многих философской глубиной.

— Знаете, у нас в Айове был старый спор с соседями, — сказал он как-то за ужином, обращаясь ко всему собравшемуся экипажу. — Кому принадлежит земля — тому, кто первым её огородил забором, или тому, кто на ней жил до того, как появились заборы вообще. Мы тут вроде как оказались в похожей ситуации, только ставки чуть повыше, чем спор о меже между двумя фермами.

— Разница в том, — заметил Хавьер, — что там, в Айове, обе стороны спора хотя бы могли разговаривать друг с другом.

— Это да, — согласился Дэниел. — Хотя иногда мне кажется, что от этого спор был только сложнее, а не проще.

Хавьер, прошедший бессонную ночь за пересмотром всех своих полевых записей за последние месяцы, поделился с Хардингом мыслью, которая тревожила его сильнее остальных.

— Что, если мы уже нанесли ущерб? — спросил он командира, застав того в одиночестве в обсерваторном отсеке станции поздним вечером. — Наше присутствие здесь, работа техники, даже просто тепло, которое мы вносим в окружающую среду каждым выходом наружу, — что, если мы уже как-то повлияли на то, что могло сохраниться там, внизу, задолго до нашего появления?

— Мы не можем знать этого наверняка, — ответил Хардинг после долгой паузы, глядя на усыпанное звёздами марсианское небо за смотровым окном. — Но можем действовать так, будто это возможно. Осторожность задним числом всё же лучше, чем беспечность, за которую потом некому будет спросить.

Экипаж единогласно проголосовал за добровольное приостановление всех новых буровых работ и геологических экспедиций в наиболее чувствительной зоне дельты до получения дополнительных научных рекомендаций с Земли — решение, которое далось нелегко, учитывая, насколько близко они, возможно, подошли к величайшему открытию в истории науки, но которое все восприняли как единственно верное в свете новых, тревожащих данных.

Рэйчел, координировавшая связь между станцией и растущим международным консорциумом учёных на Земле, однажды вечером поделилась с мужем через видеосвязь неожиданным наблюдением.

— Знаешь, что странно, Итан? — сказала она. — Каждый учёный, с которым я разговариваю на эту тему, вне зависимости от страны, вне зависимости от политических взглядов своего правительства, реагирует практически одинаково. Сначала — чистый, почти детский восторг. А потом, буквально через минуту, — глубокая, почти религиозная тревога о том, что мы можем сделать не так. Будто открытие внеземной жизни оказалось одним из немногих вопросов, способных на мгновение объединить абсолютно всех, невзирая на все прочие разногласия.

— Может, это единственное, что достаточно большое, чтобы заставить всех почувствовать себя маленькими одновременно, — задумчиво ответил Итан. — А маленькие люди, как ни странно, реже воюют друг с другом.

Пока учёные на Земле спорили и совещались, разрабатывая новые протоколы и созывая один международный симпозиум за другим, экипаж станции Брэдбери впервые за всю миссию столкнулся с вопросом, ответ на который не мог дать ни один инженерный расчёт, ни одна научная модель: что значит быть гостем на чужой планете, а не её единоличным хозяином?

Глава 10. Новый горизонт

Прошло почти два года с момента посадки «Фридом-1» в кратере Езеро. Международный научный консорциум, созданный под давлением общественного мнения после скандала с корпорацией «Меридиан Дайнэмикс», выработал новый протокол планетарной защиты — сложный компромисс между научными амбициями человечества и осторожностью перед лицом возможной, пусть пока и не до конца подтверждённой, местной марсианской биосферы. Определённые зоны кратера были официально объявлены заповедными, закрытыми для любой инвазивной деятельности до полного прояснения вопроса о существовании жизни. Остальная территория осталась открытой для дальнейшей колонизации, но под куда более строгим экологическим надзором, чем предполагалось на самых ранних этапах планирования миссии.

Станция Брэдбери тем временем разрослась вдвое: прибыли новые модули на «Фридом-3», новые колонисты, и — событие, ставшее заголовком номер один по всему миру на добрых две недели, — первый ребёнок, родившийся не на Земле, а уже на пути к Марсу, во время третьего рейса. Девочку, дочь двух колонистов из Огайо, называли Хоуп — Надежда, — и её появление на свет стало живым, дышащим символом того, что человечество действительно начало становиться видом, живущим сразу на двух планетах одновременно, а не просто посещающим одну из них с исследовательскими целями.

Джеймс Хардинг, чей четырёхлетний контракт подходил к концу, стоял у большого смотрового окна нового куполообразного модуля обсерватории — гордости станции, построенной специально для того, чтобы жители Брэдбери могли, впервые за долгое время, просто смотреть на небо, а не только работать с ним ради науки.

— Не хочешь остаться ещё на срок? — спросила Рэйчел, подходя и становясь рядом. Она, как и большинство изначального экипажа «Фридом-1», решила остаться на Марсе на неопределённый срок — станция стала для неё не просто рабочим местом, а настоящим домом, куда возвращаешься мыслями даже во сне.

— Думал об этом, — честно признался Хардинг. — Но у меня дочь на Земле, которая едва помнит моё лицо не с экрана монитора. Ей уже одиннадцать. Пора вернуться. Хотя бы на время, хотя бы для того, чтобы снова научиться быть её отцом не по расписанию видеозвонков.

— «Фридом-4» стартует через три месяца, — заметила Рэйчел. — Довезёт домой первую крупную партию возвращенцев и привезёт следующую партию колонистов взамен. Прогресс продолжается, несмотря ни на что.

За окном обсерватории простирался марсианский закат — то самое зрелище, ради которого модуль, собственно, и был построен изначально: голубоватое солнце, тонущее в рыжей дымке горизонта, явление, полностью обратное земному закату, где небо голубое, а солнце садится в багрянце. Марсианские закаты были голубыми — оптический эффект мельчайших частиц пыли в разрежённой атмосфере, рассеивающих солнечный свет совершенно иначе, чем на Земле, — и за без малого два года так и не потеряли способности заставлять даже самых привычных к ним колонистов замирать в почти благоговейном молчаливом восхищении.

Хавьер Рейес, теперь возглавлявший постоянную геологическую лабораторию станции и негласно ставший её главным хранителем накопленных за годы данных, наблюдал закат вместе с ними, держа на руках маленькую Хоуп, для которой этот голубой закат был единственным закатом, какой она вообще когда-либо знала, — родным небом, а вовсе не чудом другого мира, каким он оставался для всех, кто прилетел сюда взрослым с Земли.

— Знаете, о чём я думаю иногда? — сказал он тихо, покачивая девочку, уже начинающую засыпать у него на плече. — Мы полетели сюда, чтобы найти новый дом для человечества. А нашли — или, возможно, нашли, мы ведь до сих пор не до конца уверены, — что у этого дома, вероятно, уже есть свои древние, а может, и не совсем древние жители. И это изменило абсо-

лютно всё, чего мы изначально ожидали от этого путешествия, когда десять лет назад только начинали его планировать.

— Изменило к лучшему, я думаю, — сказала Майя, присоединяясь к группе с чашкой чая, выращенного — не без искренней гордости — в собственной, полностью восстановленной после бури оранжерее станции. — Мы прилетели сюда с идеей завоевания новой территории. Останемся — или, вернее, уже остаёмся — с идеей соседства с чем-то куда более древним и важным, чем мы сами. Это очень большая разница, если задуматься по-настоящему.

Дэниел Мур, за прошедшие два года ставший неофициальным старейшиной колонии и главным поставщиком свежих овощей для всей растущей станции, подошёл к ним с подносом свежесобранной клубники — гордостью последнего урожая.

— Первая клубника на Марсе, — объявил он с плохо скрываемой торжественностью, за которую его беззлобно поддразнивал весь экипаж последние две недели. — Не такая сладкая, как выращенная в настоящей айовской земле, но, чёрт возьми, она настоящая, и она выросла на другой планете, и лично я считаю, что это повод для праздника размером побольше, чем мы обычно устраиваем по пятницам.

Итан, наблюдавший эту сцену с Земли через камеру связи, установленную специально для подобных неформальных моментов между официальными брифингами, невольно улыбнулся, глядя на экран из своего кабинета в Конкордии, где он всё ещё продолжал работать, координируя уже четвёртую по счёту экспедицию.

— Десять лет назад, когда мы только начинали проектировать эту миссию, — сказал он, обращаясь ко всем собравшимся на связи, — я думал, что успех будет измеряться тем, сколько людей мы сможем безопасно доставить на другую планету и сколько ресурсов сможем там впоследствии добыть для нужд Земли. Теперь я думаю, что настоящий успех этой миссии — это то, что мы все стали чуть более скромными, чуть более осторожными, чуть более способными задавать себе по-настоящему трудные вопросы, прежде чем действовать необдуманно.

Ночь опускалась над кратером Езеро — если это вообще можно было назвать ночью в привычном земном смысле этого слова, — и над куполом обсерватории начали проступать звёзды: тысячи, десятки тысяч светящихся точек, среди которых где-то далеко, едва заметная невооружённым глазом, светила маленькая голубая точка — Земля, дом, откуда всё началось, и который отныне был уже не единственным домом для человечества, а лишь первым из, возможно, многих.

Хоуп, устав от созерцания заката, зевнула на руках у Хавьера и закрыла глаза, засыпая под небом планеты, которая — какой бы она ни оказалась в итоге, пустой или населённой древней жизнью, — стала для неё просто небом. Первым небом первой по-настоящему марсианской девочки в истории человеческого рода.

История человечества на Красной планете только начиналась, и никто из стоявших в тот вечер у смотрового окна обсерватории не взялся бы предсказать, куда именно она приведёт в следующие десять, двадцать или сто лет. Но, глядя на спящего у Хавьера на плече ребёнка, каждый из них чувствовал странную, тихую уверенность в том, что, что бы ни ждало их впереди, они встретят это так же, как встретили бурю, как встретили находку в древней дельте, как встретили саму дорогу сюда, — вместе, шаг за шагом, с уважением к месту, которое имели честь называть своим новым домом.

Так заканчивалась первая, самая известная глава марсианской истории. Но, как покажут последующие десятилетия, это было лишь начало значительно более долгого и насыщенного событиями пути.

Глава 11. Небо над Огайо

Задолго до того, как Джеймс Хардинг стал командиром первой пилотируемой марсианской экспедиции, задолго до Редстоун-Пойнта и его первых испытательных полётов на сверхзвуковых машинах ВВС, он был просто мальчишкой из маленького городка Мейплвуд, штат Огайо, где единственным примечательным событием на много миль вокруг оставался ежегодный окружной кукурузный фестиваль.

Его отец, Роберт Хардинг, работал механиком на местной ферме техники, чинил комбайны и тракторы, и в свободные вечера брал сына с собой на крышу их невысокого дома, чтобы показать ему созвездия через старый, доставшийся от деда бинокль.

— Видишь вон ту красноватую точку? — спрашивал отец, указывая на небо однажды осенним вечером, когда Джеймсу было всего девять лет. — Это Марс. Люди тысячи лет смотрели на эту точку и гадали, что там такое. А представь, если бы кто-то из нас смог однажды туда полететь.

— Это же невозможно, пап, — серьёзно ответил маленький Джеймс, поправляя сползающие с носа очки, которые тогда ещё носил, прежде чем зрение выправили с помощью коррекции много лет спустя. — До него слишком далеко.

— Возможно всё, сынок, если достаточно людей решат, что это стоит усилий, — ответил отец с той спокойной убеждённости, которая, как позже понял Джеймс, определила всю его дальнейшую судьбу больше, чем любой другой момент детства. — Просто это займёт больше времени, чем один человек может прожить в одиночку. Нужны поколения, которые будут передавать эстафету дальше.

Джеймс не забыл этих слов. Он поступил в лётное училище в восемнадцать, получил диплом инженера-аэрокосмика в двадцать три, стал военным лётчиком-испытателем в двадцать восемь, и всё это время, каждый вечер, если позволяла погода, находил минуту посмотреть на небо и отыскать взглядом ту самую красноватую точку, о которой когда-то говорил отец.

Мать Джеймса, Патриция, работала учительницей начальных классов в местной школе и, в отличие от мужа, относилась к его растущей одержимости космосом с более сложным чувством — гордостью, смешанной с постоянным, неутрачиваемым страхом.

— Каждый раз, когда ты садишься в очередной новый самолёт для испытаний, — сказала она ему как-то, когда Джеймсу было уже под тридцать и он гостил дома между двумя учебными циклами, — я думаю о том дне, когда ты сядешь в машину, из которой можешь не вернуться вовсе. Мать не должна так думать о собственном сыне, но я ничего не могу с этим поделать.

— Мам, я буду осторожен, — привычно отвечал Джеймс, зная, что этого недостаточно, но не имея других слов, способных по-настоящему её успокоить.

— Осторожность не спасает от физики, сынок, — тихо сказала она тогда, и эта фраза, произнесённая обычно сдержанной женщиной, надолго засела в его памяти, всплывая порой в самые неожиданные моменты — включая ту самую ночь перед стартом «Фридом-1», когда он лежал без сна в карантинном модуле, за несколько часов до посадки в корабль, который должен был унести его на другую планету.

Отец Джеймса умер от сердечного приступа за три года до старта миссии, так и не дожив до момента, когда его сын официально вошёл в состав экипажа первой марсианской экспедиции. Джеймс узнал об этом решении отбора комиссии спустя восемь месяцев после похорон, и первым его порывом было подняться на крышу родительского дома в Мейплвуде — дом к тому времени уже продали, но новые владельцы, узнав историю семьи, без колебаний разрешили ему это сделать, — и найти ту самую красноватую точку на вечернем небе.

— Я лечу, пап, — сказал он тогда в пустоту холодного осеннего неба, чувствуя себя одновременно нелепо и абсолютно уверенно в правильности этого разговора с самим собой. — Наконец-то, спустя столько лет, я туда лечу.

Мать Джеймса дожила до старта, хотя здоровье её к тому моменту уже пошатнулось настолько, что путешествие в Техас на церемонию старта далось ей с большим трудом. Она сидела в инвалидном кресле в специально отведённой для семей экипажа зоне наблюдения, кутаясь в плед, несмотря на техасскую жару, и до последней секунды не отрывала взгляда от корабля, увозящего её сына в такую даль, какую сама она в детстве, выросшая в тех же местах, где сын позже нашёл свою красноватую точку на небе, не могла себе даже вообразить.

— Он всегда говорил тебе, что это возможно, — прошептала она сама себе, когда столб огня оторвал корабль от земли и унёс его в утреннее небо. — А я всегда боялась, что он окажется прав.

Патриция Хардинг скончалась спустя четырнадцать месяцев после старта миссии, ещё до того, как её сын успел ступить на поверхность Марса, — тихо, во сне, в собственной постели, в присутствии младшей сестры Джеймса, которая держала телефон включённым на связи со станцией Брэдбери в момент, когда пришла новость, чтобы брат мог хотя бы услышать голос сестры в тот трудный час, раз уж не мог оказаться рядом физически.

Джеймс получил это известие на сто восемьдесят третий день полёта, за пятьдесят четыре дня до посадки. Он заперся в своей тесной каюте на два часа — единственный раз за всю миссию, когда командир корабля позволил себе полностью выпасть из общего распорядка, — и никто из экипажа не потревожил его, включая АРИА, которая молча отменила все запланированные на это время задачи командира без единого вопроса, руководствуясь заложенным в неё пониманием момента, требующего тишины, а не протокола.

Когда Хардинг наконец вышел из каюты, лицо его было спокойным, хотя глаза выдавали недавние слёзы.

— Она видела старт, — сказал он собравшемуся экипажу тихо, но твёрдо. — Она видела, как я улетаю к той точке, на которую отец показывал мне, когда я был ребёнком. Это больше, чем многие люди получают в жизни. Я в порядке. Правда в порядке. Давайте продолжать работу.

Именно поэтому годы спустя, стоя у смотрового окна обсерватории станции Брэдбери и глядя на голубой марсианский закат, Джеймс Хардинг иногда позволял себе мысль, которой не делился ни с кем, даже с Рэйчел, даже с ближайшими друзьями по экипажу: что где-то там, за миллионами километров пустоты, за пределами человеческого понимания того, что вообще происходит после смерти, его родители, возможно, каким-то образом видят это же самое небо его глазами — и гордятся тем упрямым, невозможным решением полувековой давности сделать то, что казалось невозможным маленькому мальчику с биноклем на крыше дома в Огайо.

Глава 12. Инженер и директор

История Итана Уокера и Рэйчел Беннетт началась задолго до того, как кто-либо из них произнёс вслух слово «Марс» в серьёзном контексте — на самом деле, она началась в скромной аудитории инженерного факультета университета Пердью, где оба, будучи аспирантами, оказались в одной исследовательской группе, работавшей над темой, которая тогда казалась куда менее романтичной, чем межпланетные путешествия: эффективность теплозащитных материалов для атмосферного входа.

— Ты пишешь формулы так, будто злишься на них, — заметила Рэйчел однажды поздним вечером в лаборатории, наблюдая, как Итан яростно исписывает доску мелом, зачёркивая уже третий вариант расчёта теплового потока.

— Я не злюсь на формулы, — раздражённо ответил он, не оборачиваясь. — Я злюсь на то, что модель постоянно расходится с экспериментальными данными на восемь процентов, и я не понимаю почему.

— Может, потому что ты не учитываешь турбулентность пограничного слоя при таких числах Маха?

Итан замер, глядя на доску, затем медленно обернулся к темноволосой аспирантке, которую до этого вечера считал просто ещё одной коллегой по общему научному руководителю.

— Покажи, — сказал он, протягивая ей мел.

Тем вечером они просидели в лаборатории до трёх часов ночи, полностью переработав модель, и к моменту, когда сторож пришёл закрывать здание, оба поняли, что нашли не просто удачное профессиональное партнёрство, но что-то значительно более важное для обоих.

Поженились они спустя четыре года, вскоре после защиты докторских диссертаций — Итана по термодинамике атмосферного входа, Рэйчел по системному проектированию сложных космических миссий, — и оба практически сразу устроились на работу в только формирующуюся программу пилотируемого исследования Марса, тогда ещё известную под скромным рабочим названием «Проект Горизонт», задолго до того, как она обрела своё окончательное имя и государственное финансирование в нынешнем масштабе.

— Знаешь, что забавно? — сказала как-то Рэйчел мужу спустя примерно шесть лет совместной работы над проектом, оба к тому моменту уже занимали руководящие позиции в разных, но тесно связанных направлениях программы. — Мы буквально проектируем миссию, в которой один из нас должен будет остаться на Земле, пока другой, если у нас всё получится, окажется на другой планете. Мы никогда специально это не обсуждали, но подразумевали с самого начала, что кто-то из нас полетит, а кто-то останется.

— Я всегда думал, что полечу я, — признался Итан. — Не потому, что ты не справишься лучше. Просто потому что не мог представить себя человеком, который отправит тебя туда, а сам останется ждать здесь.

— А я всегда думала наоборот, — ответила Рэйчел с грустной полуулыбкой. — Что не смогу быть той, кто отправляет тебя, оставаясь сама на безопасной земле.

В итоге решение приняла не романтика, а суровая логистика отбора экипажа: медицинская комиссия обнаружила у Итана небольшую, но клинически значимую аритмию сердца — состояние, совершенно безопасное для жизни на Земле, но представлявшее неприемлемый риск в условиях длительного космического полёта с ограниченными медицинскими возможностями на борту. Рэйчел прошла все этапы отбора без единого замечания.

— Мне жаль, — сказала она мужу в тот вечер, когда результаты медкомиссии стали окончательными, обнимая его на кухне их небольшого дома в пригороде Хьюстона.

— Не извиняйся, — тихо ответил он, уткнувшись лицом в её волосы. — Я провёл десять лет, работая над тем, чтобы кто-то смог туда полететь. Я просто не предполагал, что это будешь ты, а не я. Но, честно говоря, я рад, что это будешь ты. Я буду знать, что дело в надёжных руках.

Первые несколько месяцев после старта «Фридом-1», в котором Рэйчел изначально не участвовала, оставаясь на Земле руководить наземной поддержкой вместе с Итаном, дались обоим тяжело в силу совершенно других причин: программа резко расширялась, добавлялись новые полёты, а вместе с ними — обсуждение того, полетит ли Рэйчел вторым рейсом, теперь уже как полноценный колонист, а не только наземный координатор.

— Я хочу полететь, Итан, — сказала она ему однажды вечером, спустя восемь месяцев после старта первой экспедиции, когда данные о состоянии станции Брэдбери уже начали поступать регулярно. — Не потому что мне надоела жизнь здесь, с тобой. А потому что я вложила в эту программу пятнадцать лет своей жизни, и часть меня будет вечно жалеть, если я не увижу то, что мы создали, собственными глазами хотя бы раз.

Итан долго молчал в тот вечер, глядя в окно их кухни на обычные, будничные огни Нью-Канаана.

— Тогда лети, — сказал он наконец. — Я останусь здесь и буду держать всё под контролем с этой стороны, как и планировал изначально. Просто обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Что мы найдём способ сделать эту связь работающей, несмотря на двадцать миллионов километров между нами. Не знаю пока как именно. Но найдём.

И они нашли — не идеальный способ, но достаточно рабочий: ежевечерние сеансы связи, ставшие священным ритуалом для обоих, невзирая на растущую задержку сигнала; общий цифровой дневник, куда оба писали короткие заметки в течение дня, чтобы делиться моментами, которые не укладывались в формат официального видеозвонка; и негласное правило никогда не заканчивать разговор на неразрешённом споре, даже если для этого приходилось нарушать протокол ограниченного времени связи.

Спустя два года после старта Рэйчел, находясь уже на станции Брэдбери, призналась мужу в одном из вечерних сеансов связи, что порой чувствует странную, почти болезненную раздвоенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.